

Татьяна
Оболенская

*Укрощение капитанской
невесты*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Татьяна Оболенская

Укрощение капитанской невесты

«Автор»

2023

Оболенская Т.

Укрощение капитанской невесты / Т. Оболенская — «Автор», 2023

Первая любовь светла и грустна, приходит неожиданно-негаданно даже в восемь лет. А объект любви - ни сном, ни духом. Поэтому ничего удивительного, что через десять лет он не узнал свою маленькую соседку, которая превратилась в очаровательную девушку, решившую соблазнить свою первую любовь. Соблазнила, испугалась и исчезла. Обидно, что малявка провела взрослого мужчину – использовала и бросила. Как ее найти? Проще простого: это соседка по дому из маленькой худенькой девочки превратилась в строптивую красавицу. Случайная ночь оказалось на редкость плодотворной. Девчонка забеременела. И что делать? Может, продолжить роман или жениться? Для начала нужно отвезти ее на заставу, где он служит, а там уж он с ней разберется. Но на заставе доброжелатели сделали все, чтобы разлучить их. Она уехала обратно в Москву, а он – в горячую точку. Разошлись их пути-дороги. Смогут они встретиться вновь и найти свое счастье?

© Оболенская Т., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Ника	5
Глава 2. Артем	8
Глава 3. Ника	10
Глава 4. Артем	14
Глава 5. Ника	16
Глава 6. Виктория	21
Глава 7. Артем	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Татьяна Оболенская

Укрощение капитанской невесты

Глава 1. Ника

Я подставила разгоряченное лицо потоку воздуха, когда распахнула дверь и вышла из здания университета. Двадцать минут я, не веря своим глазам, стояла и пялилась на стену со списками поступивших в МГУ. Факультет журналистики, Арсеньева Вероника Викторовна – это моя фамилия, имя и отчество. Выходит, я все-таки поступила в МГУ на бюджет? Ура! Вот теперь можно и выдохнуть. Два года я «грызла гранит науки», усердно занималась, писала маленькие рассказы, статьи и сказки. Да, писать сказки – мое любимое занятие. И пусть некоторые сейчас улыбнутся, а некоторые скептически скривят губы. Ну какие сказки? Двадцать первый век! А, по-моему, писать сказки для детей – это здорово! Маленький человек, вступая в Большую жизнь, должен надеяться, что добро все-таки победит зло. По крайней мере, в сказках так всегда и происходит. И ребята, которые любят сказки, обязательно вырастут настоящими людьми. Именно так я и высказалась на собеседовании, когда седая преподавательница спросила, а почему меня привлекают именно сказки? Преподавательница долго смотрела на меня, а я под ее пристальным взглядом чувствовала себя «ужом на раскаленной сковородке», хотя говорила это совершенно искренне. После собеседования я была уверена, что меня точно не возьмут. Но, наверное, где-то там наверху решили по-другому, и я поступила. Теперь я не абитуриент, а студент МГУ. Вот так! Но до первого сентября еще полтора месяца, можно развеяться и отдохнуть. Например, поехать к маме за город? Она сейчас там. Моя мама бывшая балерина, артистка Большого театра. Говорят, бывших балерин не бывает. Но когда мама вышла замуж за папу-академика, она решила «поставить крест» на своей творческой карьере, посвятить себя мужу и дочке, то есть, мне и ушла преподавать танцы в детскую школу. Когда мне исполнилось шесть лет, папы не стало. Он был старше мамы на тридцать лет. Вот так! Поэтому я мамина дочка. В загородный дом я не люблю ездить, а все потому, что в доме напротив нашего, живет любовь всей моей жизни – Артем Стрельцов. Я влюблена в него с восьми лет, а может быть и раньше, когда поняла, что девочки должны влюбляться в мальчиков. Правда «мальчик» был старше меня на десять лет и никогда не обращал на меня никакого внимания. Кроме того, насколько я знаю, между нашими семьями – самая настоящая вражда, совсем как между двумя враждующими веронскими родами – Монтекки и Капулетти. И что произошло между ними, почему соседи долгое время враждуют? Непонятно! Я когда-то даже пыталась выяснить это у мамы, но она резко оборвала меня и дала понять, чтобы я больше никогда не поднимала эту тему. И я решила быть подальше от объекта своей любви и уговорила маму пореже ездить за город. Хотя, Стрельцов вообще-то военный и тоже не часто приезжает к своему отцу. Но чем «черт не шутит»? Лучше пусть «с глаз долой из сердца вон». Если он старше меня на десять лет, то сейчас ему должно быть двадцать восемь. Кажется, так. Интересно, какой он стал теперь? Ведь я не видела его целых пять лет.

Последний раз мы с ним столкнулись на речке. Мне было тринадцать лет, а ему двадцать три. Стрельцов тот еще красавчик! Высокий брюнет, с серыми, серебристыми глазами, с телом греческого бога. Огромные плечи и узкие бедра, прокаченные ноги, мускулистые руки. По крайней мере, так было пять лет назад. Все это я разглядела, когда он вышел из воды. Я тогда не могла оторвать от него взгляд, аж рот от восторга открыла. Он тряхнул мокрой головой, и капли, как бриллианты скатились по его коже. Потом подошел ближе, взял полотенце, набросил на плечи и подмигнул мне.

– Привет, соседям, – он тоже порассматривал меня немного и широко улыбнулся. – А ты выросла, я и заметить не успел. Тебя как зовут, соседка? Что Арсеньева, я помню. А имя?

– Ника, – я покраснела, – то есть, Вероника.

– Красивое имя, – улыбнулся он мальчишеской улыбкой и снова стряхнул капли с волос, – а меня – Артем.

– Я помню, как вас зовут, – смущенно пробормотала я. – Мне мама говорила.

– Вот и хорошо, – он расстелил полотенце на песке, уселся, широко расставив ноги, и похлопал рядом рукой. – Присаживайся.

Я осторожно присела, ощущая, как по коже пронесся табун мурашек. Мама дорогая! Моя тайная любовь сидит сейчас со мной на одном полотенце, только руку протяни и можно дотронуться до крепких мышц под золотистой кожей. Я и мечтать о таком не могла! И пока моя мама не видит, что Капулетти общается с Монтекки, можно насладиться этим странным ощущением, которое захлестывает мое тело рядом с ним.

– Ну рассказывай, – он нацепил на нос очки, и серебристые, насмешливые глаза спрятались за темными стеклами, не позволяя теперь считывать его эмоции.

– Что? – прохрипела я.

– Что-нибудь. Чем увлекаешься, девочка Ника, что любишь? Тебе сколько лет?

– Тринадцать, – тихо проговорила я, ужасно смущаясь. Мне даже сквозь его темные очки показалось, что он оценивающе прошелся по мне взглядом. – Вообще-то я занимаюсь плаванием, – неожиданно добавила я.

– Хм, – качнул он головой, – тринадцать, значит, я думал ты постарше. – Ну что, Ника-Вероника, готова поплыть на перегонки со мной на тот берег? А?

– Давайте, – согласилась я.

Мы почти одновременно вскочили с полотенца и пошли к воде, встали у кромки.

– Плыдем на счет «три», – он посмотрел на меня. – Раз, два, три!

Мы рванули в воду. Вообще-то я плаваю хорошо, кандидат в мастера спорта, и надеюсь прийти первой. Я плыву кролем, и где-то рядом плывет Артем. Приплыли мы почти одновременно. Только в самом конце Артем вырвался вперед. Мы вышли из воды и устало рухнули на песок. Артем приподнялся на локте и посмотрел на меня.

– А ты молодец, Ника, плаваешь профессионально. Мастера еще не сделала?

– Я кандидат в мастера, – скромно призналась я и покраснела от удовольствия. Он. Меня. Похвалил.

– И что дальше? Профессиональный спорт? – заинтересованно спросил он.

Его правда это интересует или он спрашивает, чтобы закрыть паузу?

– Не знаю, – честно ответила я, – еще не решила. Хотя, вряд ли. Мне нравится журналистика. Я пишу сказки, – ляпнула я и покраснела.

Артем удивленно вскинул бровь.

– Сказочница, значит? – хмыкнул он. – Расскажи какую-нибудь свою сказку.

– Вам будет неинтересно, – опустила я глаза, – у меня детские сказки, а вы взрослый. Он неожиданно запрокинул голову и весело рассмеялся.

– А тебе не говорили, что мужчины, те же самые дети? Так что, можешь смело начинать.

Я отрицательно качнула головой.

– Как-нибудь в следующий раз.

– Ладно, – легко согласился он. – Ну что, отдохнула, сказочница? Тогда погнали назад?

Когда мы вышли из воды, на берегу появилась моя мама. У нее перекошило лицо, когда она увидела, как Артем взял меня за руку. Я сразу оценила обстановку, лучше сейчас маму не злить. Я виновато взглянула на Артема, осторожно освободила свою руку, пожала плечами и пошла в сторону разгневанной родительницы. Она послала свирепый взгляд в сторону

Артема, крепко ухватила меня за руку и, как маленькую, потащила домой. Позор! Когда я оглянулась, Артем стоял, широко расставив ноги, и задумчиво смотрел мне вслед. А дома меня ждала самая настоящая взбучка. Мне даже вспоминать не хочется, что «несла» моя мама, утверждая, что нельзя общаться с семьей врагов. Большого бреда я еще никогда не слышала. Но в итоге мне запретили на «пушечный выстрел» подходить к Артему. И мама свела приезды за город к минимуму.

Прошло пять лет. И почему именно сейчас я вспомнила об Артеме? Сама не знаю. Рингтон на телефон вернул меня в действительность. Звонила моя подруга Ритка. Она тоже поступила в вуз, правда не в МГУ, а в Педагогический университет. И сейчас Ритка предложила мне сегодня вечером отпраздновать наше поступление походом в какой-нибудь крутой клуб. Мы ведь уже взрослые! Студентки.

Глава 2. Артем

Люблю отпуск. Целых двадцать восемь дней ты свободен, как ветер, пытаешься наверстать упущенное. А вот здесь в помощь и клубы с веселыми и доступными девчонками, и конечно же большое количество выпивки. Ну куда же без нее! Я скользнул взглядом по заполненному залу спорт-бара, прошел к барной стойке, взял запотевшую кружку пива, отпил, окинул еще раз взглядом зал и неожиданно замер, выхватив из танцующей толпы хрупкую девчонку. Девчонка была «зачетная», блондинка с густыми, немного волнистыми волосами, которые струились до пояса, со стройными ногами и охрененной задницей. Она необыкновенно двигалась, легко, как танцовщица. Я завис на ней восхищенным взглядом. Она как будто почувствовала, обернулась, ее зеленые, почти изумрудные глаза, встретившись с моими, с изумлением широко распахнулись. Девушка глубоко вздохнула, что-то сказала своей подруге и резко пошла в сторону туалета. Меня, как будто ударили под дых, как будто в кровь запустили расплавленный металл. И меня непроизвольно потянуло к ней. Я поставил кружку на стойку и неторопливо двинулся за незнакомкой. Не раздумывая, я рванул дверь женского туалета и сразу же увидел ее. Девчонка стояла у раковины, разглядывала себя в зеркале и вздрогнула, когда в зеркале увидела меня. Минуту мы пялились друг на друга. Какое-то невербальное общение. Кажется, я нашел приключение на сегодняшний вечер.

– Через пять минут жду тебя на выходе, – спокойно проговорил я, хотя внутри бушевал самый настоящий пожар. Я резко развернул ее к себе лицом. Что я творю?! По-моему, я сошел с ума!

Она возмущенно хотела возразить, но не успела. Я накрыл ее губы своими. На вкус они оказались, как спелая малина. В джинсах стало тесно. Я быстро отстранился от греха подальше.

– Время пошло, – я отпустил ее, вышел и пошел к выходу.

Уже на крыльце я вытащил зубами из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой и глубоко затянулся, поглядывая то на часы, то на дверь. Я сейчас снял девчонку. Надеюсь, она это поняла. Между нами, как будто прошла электрическая дуга, и заискрило. Я это понял сразу. А она? Придет или нет? Пять минут прошло, шесть, семь, восемь. Я щелчком пальцев вышвырнул сигарету. Облом? Неужели, сильно порядочная? И хочу, чтобы пришла, и, чтобы – нет. В этот момент хлопнула входная дверь, и я встретился с изумрудными глазами, в которых читался вызов. Пришла. Значит, мне не показалась. Не только меня торкнуло, а и ее тоже. Я взял девчонку за руку и повел в сторону такси. Мы молча едем ко мне, изредка бросая друг на друга взгляды. Неожиданно мне девчонка показалась смутно знакомой. Как будто я когда-то видел ее прежде. Я задержал взгляд на ее маленьком аккуратном носике, высоких скулах и пухлых губах. Да нет, показалось. Красивая девчонка, очень. Если бы я увидел ее хоть раз, точно бы не забыл. Просто она в моем вкусе, мне нравится такой типаж, вот и показалась знакомой. Люблю блондинок со светлой кожей. А эти изумрудные глаза... Мне кажется, что я их тоже видел когда-то. Я мотнул головой, отгоняя ненужные мысли. Какой-то бред лезет в голову.

– Куда мы едем? – запоздало спросила она, когда такси притормозило у моего дома.

– Уже приехали, ко мне, – коротко бросил я, открыл дверцу машины, вышел и подал руку незнакомке. Ее маленькая рука утонула в моей огромной, и мне показалось, что она дрогнула. В лифте тоже ехали молча. Я чувствовал ее напряжение. Оно, как стук витало в маленьком пространстве. Боится она меня, что ли? Тогда зачем поехала? Денег срубить? Лифт остановился. Я взял девчонку за локоть и повел к своей двери. Сердце у меня бухало по ребрам, как у сопливого пацана. А джинсы едва не рвутся по швам. Да что за засада! Поэтому, как только я захлопнул входную дверь, сразу в прихожей впечатал девчонку в стенку. Жадно нашел ее губы и впился, как вампир, прошелся языком по жемчужным зубкам, заставляя ее приоткрыть рот. Сладкая! Офигеть! Я нетерпеливо тяну за язычок молнии на спине ее платья, и оно спадает к

ее ногам. Она остается в черном кружевном белье. Упс! У меня захватывает дух, и мгновенно срабатывает тело. Я подхватил ее под «пятую точку», заставляя обхватить меня ногами, и потащил в спальню, бросил на кровать, нависая сверху. Жесткая ткань джинсов трется о тонкий капрон ее белья. Я приспускаю лямки бюстника, расстегиваю крючки и отбрасываю этот ненужный аксессуар нижнего белья в сторону. Офигенная грудь, троечка, как я люблю, с розовыми ореолами, которые я сразу накрываю жадным ртом, втягивая сосок. Девчонка глухо стонет. А у меня окончательно рвет крышу. Я стягиваю с нее последний атрибут гардероба – стринги, освобождаю от одежды себя и рву зубами фольгу презерватива. Моя незнакомка мелко дрожит. Я даже слышу, как стучат ее зубы. Что с ней? Мне бы призадуматься. Но в голове полный вакуум. Я раздвигаю ей ноги коленом и резко, одним толчком, вхожу на всю длину. Ногти девчонки впиваются мне в спину, и она вопит во все горло. Блин! Кажется, я все понял. Ну, Стрельцов, ты и дурак! Я замираю, не двигаюсь, хочу, чтобы она привыкла.

– Тише, малыш, – шепчу я. – Уже все. Просто расслабься, – я неловко вытираю пальцем слезы на ее щеках. – Что ж ты не сказала, глупенькая, что я у тебя первый?

Девчонка тихо всхлипывает. И что мне с ней делать? Меня рвет на части от желания и страсти. Сдохну сейчас, если не кончу.

– Расслабься, малыш, – уговариваю ее я. – Все самое страшное уже позади. Теперь уже так больно не будет.

Я все-таки начинаю медленно двигаться, одновременно толкаясь бедрами и врываясь языком в сладкий рот. А потом срываюсь, к финишу лечу на полной скорости и через несколько минут достигаю кульминационного момента. Никогда еще так быстро не кончал, и никогда еще не было так кайфово. Мне кажется, девчонка тоже успела словить кайф. Я это чувствую по ее сладостному стону, и по тому, как она сжимает меня внутри. А ведь это у нее первый раз! Скатываясь с девчонки, прижимаю ее к своему боку и неожиданно для себя целую в висок.

– Все хорошо? – заботливо уточняю я, рассматривая красивое, заплаканное личико.

Она кивает. Краска заливает не только ее лицо, но и шею.

– Мне нужно в душ, – тихо говорит она, пытаясь освободиться из моих объятий.

– Конечно, – я тут же выпускаю ее из рук. – Тебе помочь?

– Я сама, – она встает и тянет за собой покрывало, хочет прикрыться, глупенькая.

– Оставь, малыш, – говорю я, с улыбкой наблюдая за ней, – Я уже все равно все видел. И мне очень понравилось.

Она отпускает покрывало и быстро исчезает в ванной, а я бросаю взгляд на простынь с кровавыми пятнами и качаю головой, удивляясь своей тупости.

– Да, Стрельцов, ты точно полный дебил, если сразу не понял, что она девственница! – вслух говорю я.

Я встаю, быстро меняю постельное белье, забросив испачканную простынь в стиральную машину. Вскоре появляется моя незнакомка, замотанная в полотенце, как в кокон, пытается скрыть свои прелести. Поздно, милая, поздно! Я усмехаюсь и направляюсь в ванную, а когда возвращаюсь, вижу, что девчонка повернулась к стенке, свернувшись калачиком. Неужели спит?

Глава 3. Ника

В крутой клуб мы с Риткой не попали, и она предложила пойти в спорт-бар, расположенный практически в центре города. У нее там барменом оказывается работает двоюродный брат. Она ему позвонила, и он обещал придержать для нас места. Ритка завершила, что в этом спорт-баре тоже очень круто, и нам понравится. Я растерянно пожимаю плечами. В отличие от Ритки, я не ходок по клубам и барам. И если моя мама узнает, куда мы сейчас отправились, она на неделю запрет меня дома. Хорошо, что она сейчас уехала в загородный дом, хочет провести там остаток отпуска. Значит, в конце концов, можно расслабиться и развлечься. Уже в баре Ритка заказала нам алкогольный коктейль. Вообще-то я раньше никогда не пила коктейли. В голове немного зашумело, захотелось танцевать. И мы с подружкой выдвинулись на танцпол. Танцевать я люблю, в детстве занималась балльными танцами, мама настояла. Все навыки, естественно, остались. Тело двигается легко и свободно. Я прикрываю глаза, а музыка сама ведет тело. И так мне хорошо! Вдруг мне, как будто что-то прожигает спину. Я резко оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с серыми, серебристыми глазами. Артем Стрельцов? Не может быть! Он! Я узнала его сразу. Он почти не изменился, хотя нет, заматерел что ли, стал еще шире в плечах. Но такой же красивый, гад! Но почему он такой красивый? Меня сразу бросило в жар, а сердце подскочило на уровень горла и резко ухнуло вниз. Если я сейчас не умоюсь холодной водой, грохнусь в обморок. Я шепнула Ритке, что скоро вернусь и, продвигаясь через толпу, направилась в сторону туалета. Я не думаю, что он узнал меня. Мне тогда было тринадцать лет, да мы и не виделись почти, чтобы он меня запомнил. Тот раз на реке – не в счет. Нет, он не мог меня узнать. Сейчас я немного успокоюсь, приду в себя и пойду домой. Не смогу я здесь находиться, зная, что рядом Стрельцов. Мистика какая-то! Только утром думала о нем, и вот, пожалуйста... Помяни черта, он и появится. От досады я закусила губу, плеснула в лицо холодной водой, машинально взглянула в зеркало и обомлела. Сзади меня стоял Стрельцов, собственной персоной. Несколько секунд, через зеркало, мы смотрели друг на друга.

– Через пять минут жду тебя на выходе, – тоном, не допускающим возражения, приказал он.

Именно приказал! От изумления я округлила глаза, собираясь выдать какую-то колкость. Но неожиданно он резко развернул меня лицом к себе и впился в губы жадным поцелуем. Мама дорогая! Сквозь тело, как будто пропустили электрический разряд. А вместо крови в вены хлынула раскаленная лава, которая затопила все тело. И тело подло предает меня! Артем выпустил меня из объятий и провел костяшкой пальца по щеке.

– Ну что молчишь, малыш. Нужно сказать – «есть» и выполнять, – усмехнулся он. – Время пошло.

Он вышел из туалета, а я дрожащими руками ухватила за раковину, уставилась на себя в зеркало и не узнала. Это я? Волосы растрепаны, щеки пылают, глаза горят дьявольским блеском. Ни дать, ни взять – Булгаковская Маргарита, только метлы не хватает! – грустно усмехнулась я. – Он что, узнал меня или просто снял, как шлюху? Интересно даже. Хотя, вряд ли узнал! Значит, снял на ночь! Вот сволочь! И он думает, что я сейчас побегу за ним? – внутри мгновенно вспыхнул протест, который также мгновенно был подавлен. Побегу, – обреченно поняла я. – И сделаю все, что он захочет. Будь, что будет! А завтра, хоть потоп, хоть землетрясение. Плевать! Но сегодня я пересплю с ним и наконец расстанусь со своей долбанной девственностью, над которой смеется Ритка. Подруга считает, что я ношусь с девственностью, как «с писаной торбой» и никому не хочу это добро отдавать. Она даже предлагала написать объявление в интернете: «Отдам девственность в хорошие руки». Но она ведь не знает, что единственные, хорошие руки для меня – это руки Стрельцова. И берегла я ее для него, хотя в глубине души даже и не надеялась на это. И вот сейчас мне, как раз представился такой слу-

чай. И я его не упущу. Ну и пусть считает меня шлюхой. Плевать! Пересплю с ним один раз и исчезну из его жизни навсегда. Больше с ним никогда не увижусь. Я еще раз умыла лицо холодной водой, промокнула бумажным полотенцем, глубоко вздохнула, пытаюсь успокоить разбушевавшееся сердце, набрала Ритку по телефону и сообщила ей, что уезжаю домой. Потом вышла из туалета и направилась к выходу, рванула входную дверь и сразу же увидела Артема, который курил и поглядывал на выход. Увидев меня, он сделал последнюю затяжку, выбросил сигарету и, ухватив меня за руку, повел в сторону такси. Интересно, когда он успел вызвать такси, или машина стояла здесь раньше? Впрочем, какая разница? Стрельцов распахнул дверцу такси, усаживая меня на заднее сидение, сам сел рядом.

– Господи, что я творю?! – с ужасом проносится в моей несчастной голове, и я покорно сажусь в машину. – Дура!

Мы едем молча. Я крепко сжимаю пальцы и старательно смотрю в окно, чувствуя на себе внимательный взгляд Артема. Он без зазрения совести рассматривает меня. Ну и пусть смотрит. Плевать!

Наконец машина остановилась.

– Куда мы едем? – запоздало спрашиваю я.

– Уже приехали. – усмехается Артем, – ко мне домой.

Мы выходим из машины. Артем берет меня за руку и ведет к подъезду. Все это время я как-то держалась, по крайней мере, пыталась. А в лифте на меня напал самый настоящий мандраж. Руки заledenели, тело задрожало. И я впервые пожалела, что ввязалась в такую авантюру. Может, пока не поздно, признаться ему, кто я или признаться, что я девственница? Он же снял девку для секса, зачем ему девственница? Поздно. Лифт открылся, и Артемом ухватив меня за локоть, повел к квартире 108. Один поворот ключа, и мы в прихожей. Артем захлопнул дверь, сразу припечатал меня к стене, жадно целуя мои губы и, постепенно выпивая душу. Одна его рука зарылась в мои волосы, а вторая потянула собачку молнии на платье. Вжик. И платье падает к моим ногам. Он терзает мои губы, подхватывает под ягодицы, заставляя обхватить его торс ногами, и быстро идет в спальню. Я не помню, как оказалась на кровати, не помню, как он раздел меня. Ничего не помню. Я как будто провалилась в нирвану. Очнувшись от звука разрывающейся фольги. Это то, о чем я думаю? Но я уже ничего не думаю, не успеваю, потому, что он коленом раздвигает мне ноги. И меня резко насаживают на раскаленный кол. Я ору не своим голосом. Мамочка! Как же больно! Слезы просто брызнули из глаз. Я уже ничего не хочу – ни секса, ни любви, ни с Артемом, ни с кем вообще! Я ни с кем ничего не хочу! Чтобы я еще хоть раз... С мужиком... Да никогда в жизни! Вообще больше ни-когда! Все! Умру старой девой. Впрочем, кажется, уже не девой. Ну это все равно. Заведу себе собаку вместо мужика. Меньше проблем! О чем я думаю, дура! Раньше нужно было думать! Артем кажется все понял, потому, что он замирает, там внутри.

– Тише, малыш, – хрипло шепчет он, неловко гладит меня по голове и вытирает мои слезы. – Уже все. Самое страшное позади. Расслабься. Ты сама себе делаешь больно.

– Пожалел волк овцу! Это я делаю себе больно, а не то огромное, что разрывает меня изнутри? – хочется кричать, но я, стиснув зубы, молчу и резко дергаюсь, пытаюсь сбросить его, избавиться от этой болезненной наполненности. Но не тут-то было! Артем только крепче сжимает меня и набрасывается на мой рот, потом опускается ниже, задерживаясь на моей груди, втягивая в рот соски вместе с ореолами. Ах! По всему телу разливается невероятная сладость, которая начинает нарастать в геометрической прогрессии, как будто скручивается пружина удовольствия. Артем, не отрывая взгляд от моего лица, начинает медленно двигаться, острая боль притупляется, перемешиваясь со вспыхнувшим наслаждением. Он наращивает скорость, и пружина скручивается еще туже, заставляя меня стонать. Неожиданно скрученная пружина распрямляется, и по всему телу разливается то самое удовольствие, которое удерживала эта пружина, не выпуская на волю. И я уже не знаю от чего кричу – от боли, или все-таки от сла-

дости, которая растекается по всему телу. Эта сладкая пытка заканчивается громким стоном Артема. Он скатывается с меня, прижимает к себе и неожиданно целует в висок. Этот поцелуй такой нежный, пропитанный заботой и благодарностью. И это меня подкупило. Может все-таки рассказать ему, кто я? Надеюсь, он понял, что я не шлюха? Или если девственница отдалась первому встречному, она все-таки шлюха?

– Все хорошо? – заботливо спрашивает он, заглядывая мне в глаза.

Что он там хочет рассмотреть? Он заботиться обо всех своих шлюхах или все-таки понял, что я не шлюха? А кто я тогда для него? Случайное приключение? Девочка на одну ночь? Ну, конечно. Он же снял меня в клубе и ни минуты не сомневался, что я поеду с ним.

– Мне нужно в душ, – тихо говорю я и осторожно пытаюсь освободиться из крепких объятий.

Он с сожалением выпускает меня из своих рук.

– Конечно, малыш. Тебе помочь?

– Я сама, – я резко встаю и тут же падаю на кровать. Ну и как встать под оценивающим взглядом незнакомого мужика? Мало того, что я голая, так еще и бедра в кровавых разводах. Я сцепляю зубы, встаю, пытаюсь натянуть на себя покрывало и встречаюсь с насмешливым взглядом Артема.

– Оставь, малыш, – черти пляшут в его серых глазах. – Я уже все равно все видел. И мне понравилось. Очень. Все.

Я растерянно отпускаю покрывало, встаю и несусь в ванную. Становлюсь под горящий душ и закрываю глаза. Mamochka, что же я натворила? Как теперь объяснить ему, почему я из клуба уехала с первым встречным мужиком? Если я сразу же дала ему, значит, могу дать и другому? Или все-таки рассказать, что я его соседка – Арсеньева? Ну, Арсеньева и что? Это что-то меняет? Тогда придется рассказать, что я его с детства люблю. И как он это воспримет? А как же женская гордость? Черт. Черт. Черт! Кроме того, эта вражда между «Монтекки» и «Капулетти». Может сначала выяснить у мамы всю правду? Что там у них было в прошлом, и у кого конкретно? Я выключила воду, стянула с вешалки большое пушистое полотенце и завернулась в него, чтоб хоть как-то прикрыть свою наготу. Как мне теперь отсюда свалить? Я появилась в комнате. Артем усмехнулся, окинув меня насмешливым взглядом, встал с кровати и, совершенно меня не стесняясь, проследовал в ванную. Я села на кровать и обратила внимание, что простынь чистая. Он что, поменял белье? Потому, что простынь в крови? Какой стыд! Я закрыла лицо руками. У меня возникло немедленно желание сбежать. Но вода в ванной прекратила литься, я испуганно откатилась к стенке и притворилась, что сплю. Я скорее почувствовала, чем услышала, как Артем вошел в комнату. Под его весом прогнулся матрас, я уловила цитрусовый запах геля и затаила дыхание.

– Ты спишь, малыш? – прошептал он мне на ухо.

Я боялась пошевелинуться. Артем осторожно прижался к моей спине, крепко обхватив меня рукой.

– Не спи, малыш, слышишь, не спи. Все-таки ты охрененно пахнешь. Я уже потерял от тебя голову. И откуда только ты такая взялась? – он провел языком по мочке моего уха и легонько прикусил ее.

Меня снова прострелило током с ног до головы. Я прикусила губу до крови, а тело, предавая меня, уже дрожало от возбуждения. Артем резко развернул меня к себе лицом и посмотрел мне в глаза. Не знаю, что он там увидел, но его серые, серебристые глаза заискрились, как жидкая ртуть. Он смял мои губы, нагло раздвигая их. Непроизвольно я разомкнула губы, и наши языки встретились в безумном танце. Я хотела вытолкнуть его язык, но получилось все наоборот. Он ухватил зубами кончик моего языка и легонько прикусил, дразня его своим языком. Адреналин захлестнул все мое тело. И я поняла. Я. Его. Хочу. Я произвольно двинулась ему навстречу. Он сдернул с меня полотенце и накрыл своим телом. Первый толчок, наш

зрительный контакт не прекращается. Он смотрит мне в глаза, считывая мои эмоции. Немного больно, но эта боль смешивается со страстью и желанием. Еще толчок. Я закрыла глаза, позволив ему делать все, что он хочет. Я расслабилась, как будто окунулась в океан любви, качаясь на ее волнах, которые увеличиваются с каждым разом, приближая неминуемый девятый вал. Душа улетает куда-то ввысь, дыхание останавливается. Наконец, девятый вал накрывает с головой, и я кричу, чувствуя наконец освобождение от переполненного наслаждения. Через секунду Артем тоже глухо стонет, крепче стискивая меня руками. И я чувствую, как внутри меня растекается горячая лава. Артем скатывается с меня, что-то шепчет на ухо, целует в шею и через несколько минут мирно засыпает. Ни фиги себе! Как это у него так получается? Я тихонько сползаю с кровати. По внутренней стороне бедра стекает белая, вязкая жидкость. Это то, что я думаю? Так он, что... О Боже! Я подрываюсь и мчусь в душ, быстро смываю с себя следы его страсти. Когда возвращаюсь в комнату, он продолжает мирно спать. Его дыхание ровное и спокойное. Интересно, все мужики после секса так спокойно засыпают? Мне нужно уходить. Я совершила огромную глупость, и неизвестно еще чем все это закончится? Но что сделано, то сделано! Когда он проснется, меня здесь не должно быть. Я кое-как оделась, белье так и не нашла, не знаю, куда он его зафигачил. Быстро прошла в прихожую, немного запуталась с мудреным замком, но все-таки открыла, выскочила из квартиры и бросилась по лестнице вниз, не дожидаясь лифта. Уже на улице я вызвала такси.

Глава 4. Артем

Я лег на кровать рядом с девчонкой, придвинулся ближе, обняв ее за талию, уткнулся носом в ее волосы и вдохнул ее офигенный запах, смешанный с цитрусовым гелем.

– М-м-м! С ума можно спрыгнуть! – пронеслось в голове. – Вот так и сносит крышу. Ты спишь, малыш? – прошептал я ей на ухо. Я хочу девчонку. Мне мало.

– Не спи, малыш, – я шепчу ей на ухо какую-то сладкую дребедень. Не помню, чтобы я вообще церемонился с девчонками, и чтобы меня пробивало на нежность. Но эта какая-то особенная. И даже не потому, что девственница. Ну были у меня по молодости девственницы, то есть, она не первая. Но... Даже не знаю! Сам не могу понять, чем она меня так зацепила. Ну красивая, молодая, классная! Еще в баре я завис сразу, только глянул на нее. Есть в ней что-то, манкость какая-то. Я резко разворачиваю ее к себе и встречаюсь с изумрудными глазами, в которых читаю страсть и желание. И меня окончательно накрывает. Я врываюсь в ее сладкий рот, трахаю его языком, сталкиваясь с ее нежным язычком и полностью теряю над собой контроль, когда понимаю, что она мне отвечает. Мое мужское достоинство уже ломит от желания. Я провел носом по шее девчонки, опустил ниже, втянул в рот заострившейся сосок, щекоча его языком. Стон сорвался с ее губ, и ее тонкие пальчики зарылись в мои волосы. Малышка качнула бедрами мне навстречу. И мои последние мозги рассыпались, уступая место безумию и похоти. Я вхожу в нее сразу, на всю длину без презерватива. Я просто забыл про него! Со мной такого не было ни-ког-да. Только сейчас вспомнил. Ладно, прерванный акт еще никто не отменял, главное не пропустить момент, успеть. Девчонка тоже прижалась ко мне. Мы оба рвано дышим, но пока не двигаемся. Я встречаюсь взглядом с зелеными, ведьмовскими глазами и срываюсь. Грубые, резкие толчки. Я смотрю ей в глаза, чтобы заклеить ее, чтобы она помнила, кто у нее был первым, чтобы запомнила эту ночь на всю жизнь. Она вздрагивает от моих толчков, наше дыхание вырывается в унисон, и мы поглощаем его друг у друга. Я на грани, она тоже. Я это чувствую. Внезапно она закричала, сжимая меня внутри. И меня накрывает вслед. Такой кайф! Разум отключился окончательно. И я спустил свое удовольствие прямо по назначению. Потом скатился с нее и поцеловал в шею.

– Ничего, – мысли про себя, – завтра с утра заедим в аптеку и куплю ей таблетки. Все равно ее от себя пока не отпущу. Все завтра. Утром все-таки нужно познакомиться с девчонкой. Ведь я так и не узнал, как ее зовут. И нужно взять ее координаты. Я не знаю, что будет дальше, но просто так я ее теперь не отпущу. Со мной такое кажется впервые. Я хочу с ней встретиться еще раз. И дело даже не в сексе, который я хочу с ней повторить. Я хочу не только ее тело, а и душу, хочу узнать о ней все. Кто она, чем дышит, что любит? Хочу влезть ей в мозг, узнать, что находится в этой очаровательной головке. Почему она так просто пошла с незнакомым мужчиной, учитывая, что была девственница? Что-то здесь не так? Девчонка ведь совсем молоденькая! Может ей и восемнадцати еще нет? И тут меня бросило в жар. А если ей нет еще восемнадцати, вообще-то могут привлечь за растление малолетних. Да уж, такого со мной точно не случилось! Я еще раз окинул взглядом хрупкие плечики. Да нет! Вчера в том черном, коротком платье она совсем не выглядела малолеткой, особенно на танцполе, когда зажигала. Ладно, утро вечера мудренее. Завтра у нее все и выясню. А сейчас спать. Я откинулся на кровать, прикрыл глаза и провалился в сон. И во сне я проделывал с моей незнакомкой то, что не сделал наяву по причине вчерашней потери ее девственности. Пожалел. Но утром я обязательно все наверстаю. А утром, когда я открыл глаза, девчонки рядом уже не было. Я не поленился, обошел всю квартиру, но девчонки не было нигде.

Смылась! Я подошел к бару, достал коньяк, плеснул в фужер и выпил одним глотком.

– Сука! – прорычал я вслух и захерачил фужер в стену. Он разбился на мелкие осколки.

Я принял душ, привел себя в порядок и спустился на лифте вниз. Консьерж поздоровался, и я подошел к нему ближе.

– Вчера вечером я пришел с девушкой, – я сделал паузу. – Во сколько сегодня утром девушка ушла?

– Так ночью и ушла, – уверенно проговорил консьерж. – Наверное около часа ночи.

Я кивнул. Значит, ночью? То есть, сразу, как только я вырубился, она и свинтила. Черт и чего меня так вырубил? Я вышел из подъезда, остановился на крыльце, закурил и поднял глаза кверху. Камера возле подъезда есть. Интересно, работает? Если работает, и девчонка уехала на такси, узнать номер машины – это дело техники.

– Ну что ж, – я глубоко затынулся, – придется поднять нужные связи. Думаю, что очень скоро я узнаю ее адрес, по крайней мере, улицу и дом буду знать точно. Я выбросил щелчком окурок и неожиданно подумал:

– А оно мне надо? – и тут же уверенно ответил уже вслух:

– Надо!

Глава 5. Ника

Я приехала домой около двух часов ночи и сорок минут отмокала в ванне. Мне хотелось смыть с себя все: *его* следы, *его* запах и свой позор в том числе. Но когда я вышла из ванной, я поняла, что отмыла тело, но не душу. И мозги, похоже, тоже не промыла. Не могу я выбросить Стрельцова из головы. А ведь он просто использовал меня, как проститутку, по назначению. Я бы не удивилась, если бы он утром заплатил мне за доставленное удовольствие и отправил восвояси. Остаток ночи я не спала, ворочалась в кровати, прокручивая события вчерашнего вечера. Я сорвалась, предстала перед Артемом девушкой с низкой социальной ответственностью. Почему я повелась на него, почему не послала его еще там, в туалете? Теперь что мне делать, если я случайно встречу его, ну если приеду в наш загородный дом? «Матка Боска», как говорит моя мама или моя бабушка полька. Перед глазами постоянно стоит лицо Артема, его серые, серебристые глаза, слышится его бархатный голос. Уснула я только к утру, поэтому и проснулась в полдень. Недолго думая, я собрала необходимые вещи и вызвала такси. Поеду к маме. В конце концов нужно же наконец выяснить, почему враждуют семьи Арсеньевых и Стрельцовых? Что произошло? Я еще не знала, как заставить маму раскрыть мне все тайны. Но я была уверена, что сделаю это.

К нашему коттеджному поселку я подъехала к обеду, открыла калитку своим ключом и вошла на территорию. Да, давно я здесь не была. В прошлом году кажется, на день рождения мамы, она тогда приглашала своих подруг. Это папин дом, и мы так редко сюда приезжаем. Но угрызения совести я почему-то совершенно не испытываю. Я затащила сумку на веранду, оставила там и отправилась искать маму. Я нашла ее на кухне. Мама варила клубничное варенье. Она стояла у плиты, в непривычном фартуке, с большой деревянной ложкой в руке и помешивала варенье, кипящее в медном тазу. Я облокотилась о косяк двери и залюбовалась ею. Маме тридцать шесть лет. И выглядит она замечательно. Довольно стройная, с прямой спиной, с современной стрижкой каштановых, волнистых волос и яркими, изумрудными глазами она создавала впечатление молодой девушки, а не женщины средних лет. Мама вышла замуж в восемнадцать, родила меня и уже больше десяти лет – вдова. Мамины подружки в шутку говорят, что она заключила сделку с дьяволом, иначе никак не объяснить, что годы ее не берут. Может потому, что она бывшая балерина и сейчас преподает танцы? Я постучала рукой о деревянный косяк.

– Мам, я приехала.

Мама обернулась.

– Ника? – она удивленно приподняла одну бровь. – Сейчас, подожди, я не могу оторваться. Варенье нужно пять минут все время помешивать. Знаешь, как варится клубничное варенье?

– Не-а, – улыбнулась я. – Мне еще рано знать.

– Никогда не рано научиться готовить, – проворчала мама. – Пока я мешаю варенье, слушай рецепт. Берешь один килограмм клубники, один килограмм сахара и два грамма лимонной кислоты. Затем, – мама подняла указательный палец, – берешь половину сахара, засыпаешь клубнику и оставляешь на три часа.

– А клубнику мыть нужно? – уточнила я, хотя мне было абсолютно по «барабану» нужно мыть клубнику или нет.

– Конечно, – удивилась мама, – помыть, слить воду. Через три часа клубника даст сок. Этот сок перелей в отдельную кастрюлю, добавь туда оставшийся сахар и доведи до кипения, получится сироп. Этим сиропом залей клубнику. Варенье поставь на плиту, доведи снова до кипения и провари пять минут. Да, – мама обернулась, – не забудь снимать ложкой образующуюся пену, – она выключила газ. – А теперь убери варенье с огня и дай ему настояться

три часа. Повторить такую процедуру нужно 3-6 раз. И вуаля, – мама красиво развела руки, – варенье готово. Уловила? Выйдешь замуж, будешь варить варенье.

– Уловила, – кивнула я. – Через десять лет буду варить и вспоминать, что рецепт мне дала мама.

– Почему через десять лет? – усмехнулась мама. – Тогда тебе будет двадцать восемь, а желательно до этого времени родить. А мне будет уже сорок шесть. Смогу я тебе помочь, как думаешь?

Я громко вздохнула.

– Рожать нужно от любимого мужчины, а такового в наличии пока нет. Может, через десять лет он и появится, – фальшиво улыбнулась я. – Мам, – я стала серьезной, – а у тебя была настоящая любовь?

– Смотря, что ты вкладываешь в это слово, – мама сняла фартук и повернулась ко мне.

– Настоящая, – я задумалась, – это когда дышать, жить без него не можешь, когда думаешь о нем днем и ночью.

– Ты, наверное, не поверишь, но была, – задумчиво подтвердила мама.

– И это был не папа, – вдруг неожиданно сказала я, вспомнив фотографии папы. Он выглядел явно не героем маминого романа. Мама у меня красавица. А в восемнадцать лет была тонкая, летящая, как фея. А он – самый обычный, к тому же старый. Такие редко нравятся девушкам. И что заставило ее выйти за него замуж? Может она залетела, и ждала уже меня?

– Нет, не папа, – подтвердила мама. – Но иногда бывает лучше, чтобы любили тебя, а не наоборот, тогда ты не взрываешься в облака, да и падать вниз проще.

– Он тебя бросил? – ахнула я, прижав ладошки к щекам. – Ну, в смысле, тот, твоя настоящая любовь?

– Он не бросил меня, – усмехнулась мама, – он предал меня.

Я побледнела. Это может быть как-то связано с историей семей Арсеньевых и Стрельцовых?

– Расскажи, – прохрипела я.

– Пойдем, – мама взяла меня за руку и повела в сад.

Под большим раскидистым деревом висели качели. Мы любили с мамой сеть на качели, обняться и о чем-нибудь говорить. Мама достала из кармана широкой юбки пачку сигарет, зажигалку и закурила. У меня глаза на лоб полезли, но я не подала виду.

– Удивлена? – мама затаилась и посмотрела на меня. – Курю иногда, правда редко, но сейчас мне нужно. Значит, ты хочешь знать историю моей любви?

– Хочу, – мой голос дрогнул.

– Ты ведь не знаешь моей девичьей фамилии?

Я отрицательно покачала головой.

– Я о тебе вообще ничего не знаю, и это неправильно.

– Согласна, – грустно улыбнулась мама, – наверное, действительно пора тебе рассказать. – Моя девичья фамилия Латынина – Виктория Латынина. Моя прабабка – Виктория Латынина была знаменитой балериной еще при царе. Меня назвали в ее честь. И то ли поэтому, то ли потому, что это генетика, но я обладала уникальными данными танцовщицы. Мне прочили блестящее будущее, не только Большой театр, но и лучшие сцены Европы. Но получилось все совсем по-другому. А теперь слушай!

– Его звали Саша. Фамилия сейчас уже не имеет никакого значения. Я с ним познакомилась, когда училась в балетном училище. На какой-то вечер, кажется это был День Октябрьской революции, к нам пригласили студентов Высшей школы Комитета государственной безопасности. Теперь это заведение называется Академия ФСБ. Это было полувоенное училище, оттуда выпускались не просто офицеры. Они должны были уметь все: знать правила этикета, уметь танцевать вальс, вести светскую беседу. Перед праздником эти студенты целый

месяц у нас учились танцевать вальс. Занятия проводила моя мама, она преподавала в этом училище. Мы должны были выступать на праздничном концерте. И в партнеры мне поставили Сашу. Представь! Мне восемнадцать. Он был постарше. В тот год он заканчивал свое учебное заведение, ему было двадцать пять. В училище я привыкла к нашим мальчишкам-танцорам, а здесь – накаченный, крепкий, красивый мужчина.

– А какой он был? – вырвалось у меня. – Опиши его внешность, пожалуйста.

– Высокий брюнет, с глазами, как расплавленная ртуть. Красивый гад! Сначала я пыталась строить из себя Снежную королеву. И первое время это прокатывало. Но однажды он заявил мне, что очень любит мороженное, и чем холоднее я с ним буду себя вести, тем сильнее распалю его желания, – мама блеснула глазами. – Ты уже вполне взрослая, чтобы многое понимать. В общем, он добился своего, я влюбилась в него, как кошка. И когда он пригласил меня к себе послушать музыку, я согласилась. Он жил один, снимал квартиру в центре Москвы. Тогда популярные иностранные музыкальные группы – Deep Purple, ABBA, Modern Talking можно было послушать только под Новый год, в передаче «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Достать пластинки с их песнями было из области фантастики. Я не знаю, где их достал Саша, но мы с ним весь вечер танцевали под эти мелодии. А потом он меня поцеловал, страстно так, немного грубо, сминая мои губы, как завоеватель. Он и завоевал меня. В этот вечер я стала его. Мы встречались, когда он мог. Я летела к нему на крыльях любви, иногда даже пропуская свои занятия. Вскоре он окончил учёбу и начал работать. Не нужно догадываться, где он работал, если он окончил Высшую школу КГБ. Он был очень занят, но все-таки находил для меня время. Однажды он пришел на свидание темнее тучи. В этот вечер мы занимались любовью до поздней ночи, он не мог от меня оторваться, как будто прощался. Потом Саша вызвал такси. И когда мы уже прощались у моего подъезда, сказал мне, что ему очень нужна моя помощь. Я удивилась и спросила: «Какая»? И он признался, что ему нужно, чтобы я познакомилась с одним академиком. Этот академик получил приглашение читать лекции в Гарвардском университете, и он собирается уезжать, а этого нельзя допустить. У академика большой вес в научном мире. Ему никто не может запретить. Единственный шанс – он должен отказаться сам.

– А я здесь при чем? – совершенно искренне удивилась я.

Еще будучи студенткой МХУ я стала Дипломантом Всероссийского конкурса молодых исполнителей «Русский балет», и после этого меня пригласили в Большой театр. Я первый раз выступала в роли Никии в балете "Баядерка". Саша немного помолчал и наконец выдал, что этот академик видел меня в этой роли на премьере и даже кому-то по секрету признался, что согласен бросить «мир к моим ногам».

– Саш, – растерялась я, – ты хочешь подложить меня к нему в постель?

Саша побледнел, и под его смуглой кожей, на скулах заходили желваки.

– Нет, конечно, – скрипнул он зубами. – Как тебе такое могло прийти в голову? Тебя я не отдам никому. Ты просто с ним познакомься и все. Пусть он влюбится и завязнет в своих чувствах. Тогда он сам откажется от приглашения в Штаты.

– Но с чего ты взяла, что он влюбится в меня? – пыталась сопротивляться я.

– Потому что знаю. Он первостатейный кобель! – хмуро проговорил Саша. – Тем более, что он на тебя уже повелся. Так поможешь?

Это конечно, было безумие, но я согласилась. Я ведь понимала, что это не Сашина инициатива. Саша достал мне приглашенный билет на вечер в дом ученых и там представил Арсеньеву. Мне тогда еще показалось, что Саша и Арсеньев хорошо знакомы. Но я не обратила на это внимание. Арсеньев действительно потерял от меня голову и начал приглашать в театры и рестораны. Сначала я соглашалась, но постепенно меня это стало напрягать, и я уже думала, как бы его культурно отшить. Наконец, я не выдержала и сказала ему, что не могу больше с ним встречаться. Он как с ума сошел. Хватал меня за руки, признался в любви,

и в конце концов предложил стать его любовницей на полном обеспечении. Я естественно отказала ему, намекнув, что у него на правой руке кольцо. Значит, он женат. А с женатыми мужчинами я не собираюсь иметь никаких отношений. Но он твердил, что любит только меня, что разведется с женой и женится на мне. Вот тогда мне и пришлось ему признаться, что я люблю другого мужчину – Сашу. В ответ Арсеньев прищурился и зло бросил:

– Так ты «Кремлевская ласточка» – Сашикина протезже?

Я с недоумением посмотрела на него.

– Что значит, «Кремлевская ласточка»? – переспросила я.

– А это, детка, девушки из Специального отдела. Их называют "ласточками". Среди них могут быть неизвестные актрисы, красивые и умные женщины и даже девушки легкого поведения, или вот такие неосведомленные дурашки, как ты! – он хитро прищурился, рассматривая меня. – Для того, чтобы устранить противника, в КГБ прибегают к разным методам. Лучшие всего во всех разведках мира всегда действовала игра на естественных потребностях и желаниях противника. Поэтому в спецслужбах и появились "ласточки" – девушки-обольстительницы, которые работают под прикрытием. Часто в КГБ вербуют девушек легкого поведения, которые могут провести с жертвой только одну ночь. Но мне кажется, что это не про тебя. Ты ведь знаешь, где работает Сашика?

Мне показалось, что меня окунули в ледяную прорубь. Я с ужасом смотрела на него.

– Сашика не мог, – прошептала я, – он любит меня, и я люблю его.

– А ты спроси его сама, – предложил Арсеньев, – посмотришь, что он тебе ответит.

– И спрошу, – я резко развернулась и почти побежала в сторону метро.

Я встретила с Сашей в тот же вечер, у метро Речной вокзал. Мы с мамой жили недалеко. Сашика удивился месту встречи, но согласился. Может быть, рассчитывал, что мы встретимся у него дома, или я приглашу его к себе. Он часто провожал меня, но никогда не был у меня дома. Я не приглашала, у меня была очень строгая мама. И если бы она узнала, что я нахожусь в отношениях с мужчиной, по головке точно бы не погладила. Мы молча прогуливались в парке. Но напряжение между нами нарастало так сильно, что только спичку поднеси – вспыхнет. Наконец, Сашика не выдержал и хмуро взглянул на меня.

– Говори! – коротко бросил он.

Я усмехнулась. Остановилась. Сашика остановился тоже. Мы смотрели друг другу в глаза, и между нами металась молния. Я размахнулась и залепила ему звонкую пощечину.

– За что? – прорычал он.

– За «Кремлевскую ласточку», любимый! Ведь это имя ты примерил на меня. Не так ли? – я пыталась говорить холодно, но меня всю трясло. – Ты готов подложить любимую девушку под кого угодно, ради своей карьеры! Мерзавец!

– Никто тебя никуда не подкладывал, дура! – проорал он. – Нужно было встретиться с Арсеньевым пару раз безо всякого интима и все! Мне нужно было это сделать просто для отвода глаз! Как ты не понимаешь! А тебя я люблю и никогда бы...

– Все! – оборвала его я. – Я тебя ненавижу. Мы расстаемся, и я выхожу замуж за Арсеньева. Он сделал мне предложение, а я согласилась. Он академик, а я всю жизнь мечтала быть женой академика.

– Что?! – Сашика не побледнел, а побелел. – А ничего, что он женат?

– Жена не стена, – отрезала я, – сегодня есть, завтра нет. – Прощай.

– Сука! – прошипел он. – Какая же ты сука, Вика! Я даже и подумать не мог!

– У меня был хороший учитель, – горько усмехнулась я.

Больше мы с Сашей не виделись. Вскоре Арсеньев развелся с женой. А через месяц мы с ним поженились. А еще через месяц, его жена покончила с собой, выбросившись из окна. На похороны я, естественно, не пошла, Арсеньев пошел один. Но я была в шоке, невольно

чувствовала свою вину, не могла найти себе место. А когда Арсеньев вернулся с похорон, я узнала, что Саша – его сын.

– Вот и вся история моей любви, – мама последний раз затянулась и выбросила сигарету. Я замерла, и вдруг неожиданно меня осенило.

– Как фамилия твоего Саши, Арсеньев?

– Нет, – мама подняла на меня печальные глаза. – У него была фамилия матери – Стрельцов.

Глава 6. Виктория

Разбредила мне душу моя родная дочка. Ника у меня умница и красавица, кстати, очень похожа на меня, особенно глаза. Это наша семейная черта Латыниных – изумрудные глаза. Когда-то Стрельцов в шутку сказал мне, что за такие глаза можно «Родину продать». Ну, Родину он не «продал», зато продал меня, как девку. Очень горько! Не хочу, чтобы подобное когда-нибудь случилось с Никой, поэтому я очень оберегаю свою девочку. Она напоминает меня в юности, и не только внешне. Такая же безбашенная, как я в восемнадцать лет. Вот зачем я вышла за Арсеньева? Я ведь не любила его, скажу больше, он был мне неприятен. Я просто хотела досадить Сашке, а в результате разрушила свою жизнь. Но Нике я не позволю совершить подобное никогда. Хотя, она у меня разумная. И как только ей удалось разговорить меня, что я ей сразу все и выложила? Наверняка она поняла, что Сашка – это генерал Александр Викторович Стрельцов, наш сосед и заклятый враг по совместительству. Я ненавижу его так же сильно, как, наверное, и люблю, только боюсь себе признаться в этом. Когда двенадцать лет назад умер мой муж – Арсеньев, буквально через неделю у нас появился новый сосед. Хозяин особняка напротив неожиданно продал его какому-то генералу. И каково же было мое удивление, когда я узнала в нем Стрельцова. «Голову даю на отсечение», – он специально купил этот дом, назло мне, чтобы мелькать у меня перед глазами.

– Ну и плевать! – решила я тогда. – Просто не буду обращать на него внимание, буду реже наведываться в загородный дом.

Стрельцов, на удивление, жил без жены, но с сыном. Причем мальчишке тогда было лет шестнадцать. Очень интересно! Значит, у Сашки был ребенок, когда он встречался со мной? Наверное, от этого гада можно ожидать всего! Мальчишка был очень симпатичный и очень шустрый. В первый же день ободрал нашу яблоню в саду. Я как раз вышла в сад и наблюдала эту картину. Когда мальчишка заметил меня, не дал деру. Он спокойно вытряхнул яблоки из своей футболки, и они покатались по земле. Потом встряхнул непослушным чубом, улыбнулся белозубой улыбкой и как не в чем ни бывало выдал:

– Пардон, мадам, был не прав, каюсь, – сверкнул своими серыми серебристыми глазами и спокойно удалился.

Я оторопела от такой наглости. На следующий день я его встретила по дороге в поселковый магазин. Я шла туда, а он обратно. От неожиданности он остановился. Я остановилась тоже.

– Спасибо, – сказал он и улыбнулся такой задорной мальчишеской улыбкой, что у меня прошла вся злость на него.

– За что? – усмехнулась я, хотя прекрасно поняла, за что.

– За то, что не пожаловались отцу, – его серые глаза нахмурились.

– Боишься, что выпорот? – язвительно заметила я.

– Нет, – качнул он головой, – перестанет уважать. – Меня зовут Артем, – он выжидающе смотрел на меня.

– Виктория Алексеевна, – немного помедлила я, повернулась и пошла в сторону магазина.

Уже у самого магазина я оглянулась, мальчишка стоял и смотрел мне в след. Конечно, он думал, что я сразу пойду жаловаться его родителю. Но я, естественно, ничего и не собиралась говорить Стрельцову. Во-первых, мы не общались, и вряд ли бы возобновили общение. Во-вторых, Стрельцов наверняка бы выпорот мальчика. Еще бы, ведь парень забрался именно в мой сад. А это для Стрельцова, как красная краска для быка! Сашка бы ему этого не спустил. А мне мальчишка понравился, кстати, очень похож на Сашку. Интересно, где же его мать? Теперь этот мальчишка – Артем вырос и стал военным, нужно сказать умопомрачительным

красавцем, просто женская погибель. Где мои семнадцать лет? Я бы в него точно влюбилась, конечно же, если бы он не был сыном Стрельцова. И почему все это я прокручиваю в голове, проснувшись в шесть утра? Ну уж, если мне не спиться, может пойти на речку? Ника «спит без задних ног», на пляже сейчас никого, так почему бы не использовать такую возможность? Я быстро встала, привела себя в порядок, переоделась в купальник, побросала в пляжную сумку полотенце, подстилку и отправилась на пляж.

Я люблю раннее утро на реке. Вода гладкая, прозрачная, как кристалл, даже ряби нет. Над водой медленно опускается туман. Я скидываю халат, медленно захожу в воду, полностью погружаюсь в глубину и плыву. Я расслабляюсь и прикрываю глаза, чувствуя себя совершенно свободной, как рыбка. Я очень люблю плавать и всегда использую малейшую возможность отдаться водной стихии. Плыву медленно, брассом, выбрасываю руки вперед, делаю гребок и снова такое же движение. Ноги работают синхронно. В момент выброса рук, ноги делают толчок, похожий на движения лягушки, за счет чего тело получает дополнительное ускорение и скользит до следующего гребка. А ведь, в детстве, когда мама учила меня плавать, она так и говорила, что плыть нужно, как лягушка. В какой-то момент выброса рук, ноги делают толчок, и я чувствую, как правую ногу резко сводит судорога. Меня накрывает паника. Я пытаюсь плыть, но судорога не отпускает. И я погружаюсь в глубину, вода заполняет нос, рот и легкие. В голове мелькает мысль: «Мне кажется, или я тону»? И я четко понимаю, что тоню. Я тоню. Это. Конеч. Мысли все заканчиваются, и я проваливаюсь в толщу темной воды...

Когда я открываю глаза, вижу на собой склонившееся лицо Стрельцова. Я лежу на боку, и у меня изо рта и из носа льется вода. Он что, меня откачивал? Наверное, а может у меня галлюцинации или он мне снится уже там, на том свете?

– Я умерла, и ты мне снишься? – просипела я, едва ворочая языком. – Наконец-то мы встретились.

– Даже не надейся, балеринка, – сердито говорит он и убирает с моего лица мокрые, прилипшие пряди волос. – Теперь я не позволю тебя умереть, ты ведь снова попала в мои руки. И я тебя уже не выпущу! Так и знай!

Я смотрю в родное лицо, и мне хочется взять его в ладони и целовать, целовать и целовать, а потом оттолкнуть. Нет, оттолкнуть все-таки не хочется. Слишком долго я его отталкивала. И я делаю совершенно безумный поступок, притягиваю его к себе и крепко целую в губы. Сашка не теряется, перехватывает инициативу и целует меня долгим поцелуем. У меня давно не было секса, и теперь тело очень бурно реагирует. Сашка подхватывает меня на руки, и мы быстро перемещаемся на заднее сидение его машины. Она оказывается стоит здесь, совсем рядом. Наверное, Сашка пригнал ее, чтобы помыть? Уже в машине Сашка опускает лямки моего купальника, освобождает грудь и набрасывается на нее, как голодный зверь.

– Вик-а-а-а, – стонет он, терзая мою грудь ненасытным ртом. Незаметно он отодвигает кромку купальных трусов, боится, что я буду сопротивляться. Но я и не собираюсь. Я столько лет его ждала! Не отрывая взгляд от моего лица, он резко входит и на минуту замирает.

– Витка, какая же ты узкая и сладкая! – хрипит он, – я уже и забыл.

– И старая, – глупо шучу я, – о какой сладости идет речь? Если ты о сладости – ищи женщину двадцать плюс.

Сашка хмыкнул.

– Старая, говоришь? А кричала сейчас, как молодая. А насчет двадцать плюс, – он, прищурившись, посмотрел на меня долгим взглядом, – когда мужик за сорок, имеет двадцатилетнюю – это какое-то извращение, сродни педофилии. Это все не про меня. Мне бы вот такую, как ты – самый раз.

Я весело рассмеялась. Как же мне сейчас с ним хорошо и свободно, с этим гадом. Но я ничего не забыла. Пусть не думает, что трахнул меня, и я расплывусь «лужицей». Я выглянула из окна машины.

– Саш, кажется нам пора домой. Уже, наверное, около восьми утра.

– Ко мне или к тебе? – невозмутимо уточнил гад, хитро прищурившись.

Я удивленно вскинула брови.

– Знаешь, как называет моя дочка наши семьи? – вместо ответа спросила я.

– Ну откуда же мне знать, что ты там ей наплела? – он уже серьезно смотрит на меня. –

И..?

– Монтекки и Капулетти, – я растянула губы в ехидной улыбке, – связь улавливаешь?

– Монтекки, конечно, Стрельцовы, – усмехнулся он. – Видел я твою дочку, прямо вчера, красивая девочка, вся я тебя. А у меня, кстати, есть сын – тоже «не лыком шит». Нужно их познакомить. Может быть, они покажут нам пример, что нужно сделать, чтобы примерить враждующие кланы? – он неожиданно замолчал, а потом продолжил. – У нас с тобой могли бы быть такие же, только общие.

Краска бросилась мне в лицо.

– Ты сам все разрушил, предал меня, из свободного лебедя превратил в продажную «ласточку»!

– Нет, Витка, – его брови грозно сошлись на переносице, – нет! Я любил тебя, люблю, всю жизнь.

Я горько поджала губы.

– Ты получил задание от своих боссов и, недолго думая, решил использовать меня. А, действительно, зачем заморачиваться, искать девку, когда есть своя под боком.

Сашка сцепил зубы и закрыл глаза. Мне показалось, что он считает до десяти, пытаюсь успокоиться. Наконец, он распахнул глаза и впился мне в лицо, обжигая холодом ртути.

– Не было никакого задания, Витка. Хочешь знать правду? Я расскажу.

Я молча кивнула.

Сашка взъерошил свои волосы таким знакомым движением, что у меня сжалось сердце.

– Отец изменял матери всю жизнь, а она ему все прощала. Он менял баб, причем чем старше становился, тем моложе были его любовницы. Мама давно смирилась, хотя я не раз просил ее уйти от него. Я не мог все это видеть и съехал на съемную квартиру. Однажды мне позвонила мама, и сообщила, что больше не хочет жить. Я сразу приехал к ней. Оказывается, папаша придумал для мамы новую экзекуцию. Он получил приглашение от факультета искусств и наук Гарвардского университета. Поездка была рассчитана на полгода, но отец заявил, что останется там, а с мамой он разводится. Я просил маму успокоиться. Пусть катится этот урод на все четыре стороны! Но мама так плакала и умоляла меня сделать что-нибудь, чтобы задержать его. Она грозилась, покончить с собой, если я ничего не предприму. И я придумал. Я знал, что отца переубедить невозможно, если он не захочет остаться сам. И единственный способ заставить его остаться в стране, сделать так, чтобы он «по уши» влюбился. На стадии влюбленности он готов сделать все, чтобы затащить женщину в постель. А так как он был еще романтик, то не просто трахал баб, хотя и это было, он периодически влюблялся, долго обхаживал свой объект любви, как будто играл в «кошки-мышки», пока мышеловка не захлопывалась. На это у него обычно уходило определенное время, иногда месяцы, а в Гарварде ждать не будут. Вот на это я и сделал ставку, оставалось только найти подходящий объект. Как раз в это время отец случайно попал в Большой театр на твою премьеру и сразу же запал на тебя. И у него хватило совести спросить, нет ли у меня выхода на артистов Большого театра, чтобы познакомить его с новой примой, которая в Баядерке выступает в роли Никии. Когда я услышал это, меня, как будто облили из ушата ледяной водой. Конечно раньше мне не пришла бы в голову эта безумная мысль. Но судьба расставила все по своим местам. И я решил познакомить его с тобой, пока мой предприимчивый папаша-академик не нашел кого-нибудь другого, чтобы подбить к тебе клинья. Если ты помнишь, я попросил тебя о помощи, познакомиться с одним академиком и встретиться с ним пару раз. Об интимах разговор даже

и не шел, я слишком любил тебя. Кроме того, я наблюдал за вами, всегда был рядом, просто вы об этом не догадывались. Но сказать тебе тогда, что этот академик мой отец, и для чего все это я придумал, у меня не поворачивался язык. Я рассчитывал, что он влюбится в тебя, передумает уезжать, а потом я ему признаюсь, что ты моя невеста. Мы поженимся, и он успокоится. В общем, «и волки сыты и овцы целы». Но в жизни так не бывает. Когда я понял, что он полностью погряз в новой влюбленности, я испугался за тебя, да и за себя, тоже, и честно рассказал ему, что ты моя невеста. На что отец усмехнулся и предупредил меня, что отступать не намерен. Он добьется тебя любой ценой. И ты, естественно, выберешь академика, а не продажного сотрудника КГБ, который подкладывает свою девушку, как проститутку, под нужных людей. Я не поверил, что он может так поступить со своим родным сыном. Но он сделал это. Он перевернул все вверх ногами, выкрутил так, чтобы я в твоих глазах выглядел подлецом и последней сволочью. И у него получилось. Ты ему поверила. Вот и вся история!

– Но почему ты мне ничего не объяснил, даже не попытался? – то, что рассказал сейчас Сашка казалось ужасным и выбило у меня почву из-под ног. Значит, он не предатель и не подлец. Подлец – Арсеньев. А я... Я. Сама. Разрушила. Свою. Жизнь.

– Я пытался, Вик, но ты ведь даже слушать меня не стала, – он полез в бардачок, достал оттуда влажные салфетки и пачку сигарет. Салфетки протянул мне. Потом потянул зубами из пачки сигарету и вышел из машины. Я привела себя в порядок и посмотрела в окно. Сашка стоял недалеко от машины и курил. И лицо у него было какое-то ожесточенное и вместе с тем, решительное. Он последний раз затянулся и щелчком пальцев отшвырнул сигарету в сторону. Я вышла из машины и подошла совсем близко к нему. Сашка поднял на меня глаза.

– Выходи за меня замуж, Витка, – немного охрипшим голосом проговорил он. – И кстати, познакомишь меня с сестрой, давно пора.

– С какой сестрой? – не поняла я.

– С моей, с твоей дочкой, – пояснил он, жадно разглядывая меня, и ждал ответа.

– Она тебе не сестра, – усмехнулась я, – не хочу тебе врать. В нашей жизни и так было предостаточно лжи.

– То есть, как не сестра? – растерялся Сашка.

– Ника – моя дочь, но она не дочь твоего отца, – спокойно проговорила я, наблюдая за его реакцией. – У нее совсем другой отец.

– А кто? – напрягся Сашка.

– Это уже не имеет никакого значения. Я хотела дочку, но не хотела, чтобы она стала твоей родной сестрой.

– Отец знал? – прищурился он.

– Нет, кстати, Ника тоже не в курсе.

Сашка хмыкнул.

– Все-таки правду говорят – все вы бабы стервы.

– Саша, – я посмотрела прямо ему в глаза, – твой отец начал мне изменять, как только мы поженились, практически на второй день после свадьбы. И я это сразу почувствовала. Он приходил домой за полночь с «научных конференций», насквозь пропахший запахом дешевых духов и секса. Видать не пропускал ни одной студентки. А ведь мне было только восемнадцать лет. И я должна была это терпеть? Я решила забеременеть и родить ребенка от партнера по танцам. Вот так!

– Я не буду тебе изменять, неожиданно проговорил Сашка. – Я люблю тебя, всегда любил.

– Да, что ты говоришь?! – прищурилась я. – Любил, значит? А ничего, что когда мы встречались, у тебя оказывается был сын, а значит, и его мать?

Сашка лукаво улыбнулся.

– Ревнуешь? Артем не мой сын, а мой двоюродный брат. Это сын маминого младшего брата. Они с женой погибли в автокатастрофе, когда Темке исполнилось десять лет. Родствен-

ников кроме отца и меня у Темки не было. Но у отца, – он хмыкнул, – была молодая жена, куда ему было брать Темку! Да и зачем ему племянник первой жены, которая покончила самоубийством из-за него. Естественно, его взял я, и он называет меня отцом. Он мне, как сын, хотя, ему двадцать восемь лет, а мне сорок два.

Я закрыла лицо руками.

– Прости меня, Сашка. Я тогда понятия не имела, что Арсеньев твой отец. Если бы я только знала... Тогда у меня было единственное желание отомстить тебе. По сути я виновна в смерти твоей мамы. Я не смогу стать твоей женой. Ты должен меня ненавидеть. Я...

Сашка закрыл мне рот поцелуем. Вместо того, чтобы его оттолкнуть, я только крепче прижалась к нему и обняла его за шею. Наконец, он отпустил меня.

– А я и ненавижу тебя, и одновременно любил. Но теперь больше не могу ненавидеть, хочу только любить.

Глава 7. Артем

Очень быстро я узнал, что камера у моего подъезда работает. «Дело техники», и я уже знаю номер такси, на котором уехала незнакомка. Немного усилий и название службы такси у меня в кармане. Через два часа я уже разговариваю с таксистом, который подвозил девчонку. Да, он ее вспомнил, и естественно, у меня теперь есть адрес, по которому она ночью вызывала такси. Ну, вот и все! Теперь нужно подумать, когда наведаться к ее дому. Я посмотрел на часы – 16:00. Интересно, дома она или нет? Я задумался. А чего я хочу? Найду я ее и что? Спрошу, почему смылась? А она, что должна передо мной отчитываться? Захотела пойти со мной – пошла. Захотела уйти – ушла. Она никому ничего не должна. Какие претензии? Я не удивлюсь, если она пошлет меня, и правильно сделает! Это-то я, конечно, понимаю. Но я хочу ее еще раз увидеть. И это сделать мне никто не запретит. Поэтому я хватаю ключи от машины и еду по нужному мне адресу. Дом, где живет девчонка находится рядом с метро Беговая. По теперешним меркам это почти центр. Нужный дом нахожу быстро, подъезд тоже знаю. А вот номер квартиры – нет. Дом шестиэтажный, сталинка, на первом этаже расположена кондитерская. Если предположить, что на этаже по четыре квартиры, значит в подъезде – двадцать квартир. Хотя, если дом-сталинка на площадке может быть расположено по три квартиры. Может обойти все квартиры? Пока я прикидываю возможные варианты, из подъезда выходит мальчишка лет десяти. Он направляется в сторону кондитерской. Я негромко свистнул, мальчишка обернулся.

– Слышь, малой, косарь заработать хочешь?

Мальчишка останавливается и неторопливо приближается.

– Хочу, – улыбается во весь рот. – А чё делать нужно?

– Ты живешь в этом подъезде?

Мальчишка кивает, с интересом рассматривая меня.

– Тогда ты должен знать, где живет одна зачетная девушка. Ей лет восемнадцать, двадцать, блондинка, стройная, зеленые глаза.

– А..., – протянул мальчишка. – Так это наша соседка – Ника из 32 квартиры.

– Значит 32 квартира? – уточнил я.

– Ага. – снова кивнул мальчишка. – А косарь?

– Ключ от домофона есть?

Мальчишка открывает мне дверь, а я вручаю ему тысячу рублей. Поднимаюсь пешком на третий этаж и звоню в 32 квартиру. Тишина. Наверное, нет никого дома. Ладно, наведуся завтра. Сажусь в машину, выруливаю из двора и слышу рингтон моего айфона.

– Да, батя, – сразу отвечаю я. Не люблю отвечать на телефон за рулем, сбрасываю обычно, перезваниваю потом. Но отец – это тот человек, ради которого я поступаю своими принципами. Я удерживаю руль левой рукой, а правой держу айфон. – К тебе приехать? Хорошо. Что-то случилось? В смысле, надумал жениться? – я хмурюсь. Что за черт! Что еще придумал мой отец?

– Удивил, – коротко выдаю я. – Вот прямо так, сразу и жениться? Красивая девочка? Надеюсь восемнадцать ей уже есть? – прикалываюсь я, прекрасно зная, что у отца никогда зазнобы не были моложе его больше, чем на десять лет. Но я продолжаю его подразнивать.

– Конечно же, я заеду сегодня вечером к тебе познакомиться с твоей избранницей, если ты не боишься, что отобью твою невесту. Не боишься, – хмыкаю я. – Ах, ей тридцать шесть? Ну, тогда точно не отобью. Это не мой возрастной контингент. У нее есть дочка? Ну, это меняет дело. Надеюсь, симпатичная? Порадовал. Предлагаешь тоже поменять свой статус? Я подумую, – сбрасываю звонок.

Обычный мужской треп. Отец прекрасно меня знает, и знает, что я не завожу серьезные отношения. И мне не нужна никакая «дочка». Поэтому я уверен, что он не собирается меня ни с кем сводить. Хотя, я знаю, что он не прочь, чтобы я женился. Ну что ж, съезжу, познакомлюсь с невестой отца и ее дочкой. Невеста явно недурна, если отец решился на такой ответственный шаг. Это же надо, на «старости лет» жениться! Хотя батя в свои сорок два – еще хоть куда! Может созрел наконец?

Я приезжаю в коттеджный поселок к шести часам вечера. В доме какая-то суета. В гостиной накрывают стол. Я тихонько заглядываю на кухню. Пахнет выпечкой, пирогами и еще чем-то вкусным. Я тихо захожу. Галина Васильевна – наша «домоправительница», так называет ее отец, стоит спиной и вынимает из плиты противень с пирожками.

– С чем пирожки? – осведомляюсь я, и обжигаясь, хватаю с противня пирожок.

– Темка! – вскрикивает Галина Васильевна. – Напугал, черт рогатый! Подкрадываешься незаметно, так и инфаркт схватить недолго. С вами, Стрельцовыми с ума сойти можно! Вчера вечером все тихо было. А сегодня, с утра – трах, бах, женится. Вечером дорогие гости пожалуют! Господи и на ком только!

– На ком же? – уточнил я, откусывая пирожок, и застонал от удовольствия. Вкусно.

– Так на вдове академика Арсеньева, – Галина Васильевна скривила губы. – Она конечно, женщина интересная, но надменная. Они же с твоим отцом все эти годы, что вы здесь живете, не разговаривали.

– Так может они незнакомы были, – пожал я плечами.

– Да уж, конечно, – фыркнула она, поставив руки в боки. – Думаешь, что твой отец не был знаком со второй женой своего отца?

– Чего? – у меня пирожок застрял в горле. – Теть Галь, ты чего несешь?

– А ты не знал! – всплеснула она руками. – Академик Арсеньев – отец твоего отца.

– Да, ладно! – я вытаращил на нее глаза. – Отцу сорок два. Так сколько же должно было быть академику, если его жене тридцать шесть?

Галина Васильевна презрительно скривила губы.

– Я тогда работала у бывшего хозяина вашего дома. Когда он продал дом, твой отец не уволил меня, а разрешил работать дальше.

– Допустим, – соглашаюсь я, – но ты откуда это узнала? Отец сказал?

– Дык, на похоронах академика я была, по-соседски. Твой отец тоже там был. Там и предложил мне работу по дому, я и согласилась.

Эта инфа добила меня окончательно. Значит, та охренительная женщина – Арсеньева Виктория Алексеевна и есть невеста отца? Странно, мне всегда казалось, что отец ее просто ненавидел. А самом деле оказывается... Да уж, жизнь непредсказуемая штука! Нужно найти отца и поздравить с удачным выбором. Я нашел отца в его спальне, он выбирал галстук. Увидел меня, улыбнулся и смущенно развел руками.

– Вот так, брат, женюсь. Ты ведь не возражаешь?

Я пожал плечами.

– Это твоя жизнь. И я за тебя рад, правда. Твоя невеста достойна всяческих похвал, если правда, что это наша соседка.

– Она самая, Тем, – отец завязал галстук. – Я ведь люблю ее всю жизнь. Поэтому и дом здесь купил, как только Арсеньев умер. Я хозяину нашего дома тогда двойную цену заплатал.

– Арсеньев правда твой отец? – вырвалось у меня.

– Галька просветила? – прищурился отец.

– Какая разница, – ушел от ответа я.

– Да, – отец нахмурился, – но я когда-то вычеркнул его из своей жизни, так же, как он вычеркнул нас с мамой. Я пришел к нему только на похороны. Темка, – отец нахмурился, – Я

догадываюсь, что следующий вопрос будет о Вике. Давай так, я все расскажу тебе потом, но сейчас попытайся быть приветливым. Окей?

Я кивнул.

– Один вопрос. Тетя Тая ушла из жизни из-за *нее*?

Отец отвернулся.

– Тем, у моей мамы была депрессия, она прогрессировала годами. И единственный виновник всего этого – это мой отец. Давай сегодня проведем вечер знакомства на высоте. У нее кстати есть дочка – Вероника. Она еще совсем девчонка, восемнадцать лет, удели ей немного внимания. Скоро она станет тебе сестрой.

– Угу, – усмехнулся я. – Хорошо, как скажешь. Сегодня я буду «душкой», клянусь тебе. Я смутно помню девчонку, в детстве она были прехорошенькой. Надеюсь, такой и осталась.

– Нет, – усмехнулся отец, – она стала просто обалденной. Сам увидишь.

Я стоял на балконе, когда услышал, голос отец и женский смех, вошел в гостиную поздравляться с девушками. Викторину Алексеевну я узнал сразу. Я ее давно не видел, несколько лет, точно. Но она ничуть не постарела, даже стала лучше. Хотя, странно так говорить, про молодую женщину. А она действительно молодая. Красивая! Зеленые глаза горят, пухлые губы так и манят. Хороша чертовка! Теперь я понимаю отца. И тут я перевел глаза на ее дочку и в прямом смысле слова, обалдел. Девушка была в кожаных джинсах и косухе. Черная челка густых, до плеч волос, практически прикрывала глаза. Жуткое количество косметики на лице превратило его в неподвижную маску, накладные ресницы хлопали, как у коровы. И совершенно мерзкая помада на губах.

– Господи, что это за чудовище! – мысленно простонал я. – Это же надо, у такой матери такая дочь!

Я перевел глаза на отца и увидел в его глазах удивление, перекликающееся с ужасом. Отец тут же перевел взгляд на свою невесту и криво улыбнулся ей. Но та с невозмутимым видом обняла это маленькое чудовище и улыбнулась.

– Добрый вечер, Артем, надеюсь вы помните меня. А это моя дочка – Вероника.

Я кивнул и снова перевел взгляд на Веронику, которая невозмутимо жевала жвачку. Да, похоже вечер обещает быть томным. Мы расселись за столом. Отец – рядом со своей невестой. Меня посадили напротив чудовища.

– Где служите, Артем? – поинтересовалась Виктория, пытаясь нарушить повисшую тишину.

– Да в разных местах, – улыбаюсь я, – ближе к границе.

– Там, наверное, бытовые условия не очень хорошие?

– Тоже по-разному. Чтобы вымыться, баню топить нужно, – улыбаюсь ей в ответ.

– Классно, – подает голос чудовище, – никогда не мылась в бане.

– И, наверное, в дощатый туалет с дыркой посередине, тоже никогда не ходила, – невозмутимо продолжаю я беседу. А у чудовища приятный голос. Интересно, если ее отмыть, может она и ничего будет? – Если будет небольшая командировка недели на две, могу взять тебя с собой. Посмотришь прелести простой жизни, где-нибудь в пограничном районе, в Кушке, например, – подмигиваю я.

Отец переводит разговор на другую тему, расспрашивает чудовище, куда она поступила после школы. Приносят торт, кофе, мы перемещаемся на веранду. Я вышел в сад покурить и наткнулся на девчонку, она, я так понимаю, собиралась смыться. Она быстро шла в сторону выхода, и тут меня как будто по башке шарахнуло. Такой знакомой мне показалась эта фигура сзади. Это... Вероника кратко будет Ника? Не может быть!

– Стоять! – неожиданно громко произнес я.

Девчонка вздрагивает, оборачивается, смотрит на меня удивительными изумрудными глазами. И я понимаю, что это *она* – та самая незнакомка из спорт-бара, которую я только вчера

лишил девственности. И весь вечер и сейчас передо мной разыгрывался спектакль. Чудовище, значит! У нее хорошо получилось. Артистка, блин! Я подхожу к ней вплотную.

– Привет, артистка! – широко улыбаюсь я. – Но Станиславский говорил: «Не верю»!

– Она затравлено смотрит на меня.

– Ты ведь сразу узнала меня в клубе, так ведь? – прищурился я.

Она молчит. А я протягиваю руку к ее парик, теперь я вижу, что это парик, и стягиваю его. Вместе с париком стягивается резинка, удерживающая тяжелые пряди в хвосте. Светлые волнистые волосы распадаются. Черт! Красивые у нее волосы, впрочем, не только волосы. Она кусает свои пухлые губы и съедает эту отвратительную помаду. Как ей удалось сделать из себя чудовище? А я тоже хорош! Ведь помнил ту красивенькую малявку, которая пять лет назад вскружила мне голову. Почему я сразу, еще там в спорт-баре, не узнал ее? Она меня точно узнала, поэтому и поехала с «незнакомым» мужиком к нему на квартиру.

– Чего молчишь, кукла? – начинаю злиться я. – Дурака решила из меня сделать? Даже свою мать подговорила. Интересно, что ты ей наболтала? Что переспала со Стрельцовым-младшим и не хочешь, чтобы он тебя узнал? Молодца! Небось специально затащила меня в постель?

Она гневно сверкает зелеными глазами.

– А ничего, что это была полностью твоя инициатива?

– Да, – соглашаюсь я, – но ты не послала меня на три буквы, а должна была, так как мужика у тебя до меня, не было. Ты же в лифте тряслась, как заяц. Удивительно, что я не понял все о тебе, иначе сразу бы отправил тебя домой, к мамке. А может ты хотела от меня залететь, чтобы затащить меня в загс? Так я не по тем делам, детка.

Она вырывает свою руку из моей, которую я оказываюсь крепко держу.

– Да пошел ты на эти самые три буквы, – шипит она, резко разворачивается и хочет уйти.

– Грубо, – усмехаюсь я и удерживаю ее за руку. – Нам нужно выяснить один очень важный вопрос.

– Только один? – уточняет Ника. – Какой?

– Ты предохраняешься? – прямо спрашиваю я.

– Чего? – растерянно переспрашивает она.

– Понятно, – вздохнул я. – 72 часа еще не прошло, поэтому поехали.

– Куда? – она оторопело уставилась на меня.

– В аптеку, милая, в аптеку, – поясняю я. – Куплю тебе противозачаточные таблетки, Постинор называются. И лично прослежу, чтобы ты выпила. Сюрпризы мне не нужны.

Ника поджала свои пухлые губки.

– Представь, я тоже не мечтаю, в восемнадцать лет стать матерью, причем от такого конечного придурка, как ты. Поехали.

Меня немного разозлило сравнение с «придурком», но я проглотил это. Мы зашли на веранду, где Виктория и отец пили кофе, а на самом деле целовались, и даже не заметили, как мы вернулись. Я громко кашлянул. Они сразу отпрянули друг от друга.

– Бать, – позвал я, – мы с Никой прокатимся немного на машине, скоро вернемся.

– Только недолго, – подала голос Виктория. – И я рассчитываю на вас, Артем, – она немного понизила голос. – Надеюсь, вы понимаете меня?

Я дурашливо поднял две ладони вверх.

– Конечно, Виктория, не волнуйтесь. Верну вашу дочь в целости и сохранности через час.

Я крепко ухватил девчонку за руку и потащил к машине.

– Эй! – возмутилась она. – Не тащи меня, как бульдозер. Я сама в состоянии идти, и отпусти мою руку. Кстати, насчет того, чтобы вернуть меня в целости и сохранности, сомневаюсь, что у тебя получится, – язвительно добавила она.

– В смысле? – я даже остановился.

– В смысле, что в целости уже не получится, целость нарушена.

– Охренеть! – прокашлялся я, – тебя палец в рот не клади.

– Вот и не клади! – добавила она и неожиданно покраснела.

Я сразу понял почему ее щеки стали, как маков цвет, как только представил, как касаюсь большим пальцем пухлых ярких губ. А она облизывает его или втягивает в рот. Я сглотнул и отогнал грешные мысли подальше.

– Стоп. Успокойся, Тема, – мысленно дал себе установку, – она только вчера была девственницей, а у тебя такие грешные мысли. – Поехали. – сказал вслух.

Ближайшая аптека располагалась на другом конце коттеджного поселка. Я купил пачку Постинора и вручил Нике. – Выпьешь при мне одну таблетку. Вторую – тогда, когда нужно, там есть инструкция.

– Боишься! – презрительно скривила она губы.

– Просто не хочу сюрпризов, – пожал я плечами и протянул ей бутылку минеральной воды.

– Повторяетесь, господин Стрельцов, – хмыкнула она, закинула в рот таблетку, которую достала из блистера и запила водой. – Доволен! Можешь не волноваться, тебе не грозит стать папашей в ближайшее время. По крайней мере, я не доставлю тебе такое удовольствие.

– Окей, – кивнул я ей. – Подожду еще несколько лет, прежде чем решиться на такой ответственный шаг.

Мы загрузились в машину. И я развернулся в сторону дома. Мы ехали в полном молчании. Я прокручивал последние события в голове и поражался сам себе. Еще несколько часов назад я предпринял все возможные усилия, чтобы найти незнакомку. А теперь, когда случайно встретил... Черт! Когда я узнал, что девчонка – это Арсеньева, та самая малявка, которая смотрела на меня с открытым ртом пять лет назад, вчера отдалась мне у меня в квартире, а сейчас разыграла меня, сделав из меня полного дурака, я просто взбесился. Влюбилась небось, как кошка и решила отдаться своей первой любви, даже не предохраняясь. Дура! А я тоже хорош, повелся! Недаром вырядилась, как чучело. Ведь знала «кошка, чёё мясо съела»! Понимала, что, если узнаю ее, мало ей не покажется! Сучка, маленькая!

Она хмурится, смотрит в окно, отвернувшись от меня. Потом поворачивается.

– Надеюсь, что ваша «скорая помощь» поможет, и вам не нужно будет беспокоиться, вы забудете меня, как страшный сон, и мы с вами больше никогда не увидимся, – язвит она.

Я усмехнулся.

– И не надейся, лапуля. Мы теперь с тобой родственники. Мой отец – твой отчим. Значит, мы брат и сестра. Так что, встречаться мы будем часто. И имей в виду – младшая сестра должна слушать старшего брата.

– Ага! – хмыкнула Ника. – Хорош старший братец, трахнул сестренку, напоил таблетками и в кусты. Очень благородно!

– Ты. Сама. Пошла. Со. Мной, – цежу я сквозь зубы. – Немаленькая, прекрасно понимала за чем тебя пригласил взрослый мужик. Явно не чай пить в одиннадцать ночи. Так что, не строй из себя девственную жертву. Ты знала на что идешь. И самое обидное, что ты знала с кем идешь, а я не знал!

Она зыркнула в мою сторону и замолчала. Я тоже не горю желанием с ней разговаривать. Зараза малолетняя! В полном молчании мы доезжаем до дома. Она выходит из машины, и не заходя к нам, направляется к своему дому. Я возвращаюсь к отцу и его невесте, и отчитываюсь перед Викторией, как школьник, что довез ее драгоценную дочурку, и она уже дома. Виктория прощается с нами и отчаливает домой. Когда за ней закрывается дверь, я поворачиваюсь к отцу и смотрю на него долгим взглядом.

– Тем, – смущенно прокашливается отец, – ну устроила девчонка маскарад, пошутить хотела, подурчиться немного. Я сам, когда увидел ее, чуть не обалдел. Она ведь красавица, наверное, хотела посмотреть твою реакцию на дурнушку.

– На дурнушку? – изогнул я бровь. – А на идиотку, не хочешь? Она вела себя, как идиотка. Может, она все-таки идиотка или меня держит за идиота?

– Ну что ты! – отец виновато отвел глаза. – Ты ведь сразу понял, что она в парике, и с косметикой переборщила.

– Я все понял, бать. Ты ведь не виноват, что бабы с дуру бесятся. А ее мать, как она объяснила тебе охрененный вид своей дочурки?

– Вика объяснила, что девчонка стеснялась тебя и решила предстать в эдаком немного неформальном виде. Завтра увидишь ее нормальном виде, удивишься.

– Уже куда больше! – серьезно проговорил я. – Ты знаешь, меня теперь ничем не удивить.

Я разворачиваюсь и выхожу из комнаты. Я зол, как черт, хотя только я и могу понять идиотское поведение Ники. Она не рассчитывала больше встречаться со мной, по крайней мере, сразу на другой день, точно нет. Представляю, что она почувствовала, когда мать сообщила ей о предстоящей свадьбе. Я вышел на балкон и закурил. В доме напротив, на втором этаже зажегся свет. Интересно, это спальня Ники? Надеюсь, она смыла с себя штукатурку и отлепила коровьи ресницы? И вдруг, несмотря на всю сегодняшнюю злость на девчонку, мне страшно захотелось ее увидеть. Голову даю на отсечение, что на ее пижаме, а я уверен, что спит она в пижаме, изображен единорожек, на худой конец, кошак или косолапый. И так же я уверен, что спит Ника с плюшевым медведем. Я швырнул сигарету вниз, спустился на первый этаж и вышел из дома, по пути к калитке, сорвал красную розу, вышел на улицу и направился к дому Арсеньевых. Когда мы с отцом только переехали в свой дом, мне было шестнадцать лет, дури было в башке еще предостаточно. Днем, когда я гулял на улице, я заприметил, что выше забора дома напротив, на большой яблоне, красуются уже почти спелые яблоки. У нас в саду были только декоративные деревья, ёлочки и всякая муть. И я решил ночью, когда все спят, перелезть через забор к соседям и провести «экспроприацию экспроприаторов». Не то, чтобы мне очень уж нужны были эти яблоки, просто я почувствовал какой-то драйв, как при игре рока на гитаре. Я перелез через забор, стащил с себя футболку и быстро набрал в нее яблоки. Я хотел уже уходить, поднял глаза и увидел перед собой молодую женщину. Она насмешливо смотрела на меня своими изумрудными глазами и молчала. Тогда при лунном свете она показалась мне сказочно прекрасной, как русалка или мавка. Я невольно разжал руки, яблоки посыпались из моей футболки и покатались по земле. Я ляпнул какую-то глупость в виде извинения и достойно так, удалился. И сейчас я снова стою перед тем же забором Арсеньевых, только я уже не пацан, а здоровый мужик, капитан, между прочим. Но в башке мозгов, похоже, не прибавилось. Я ухватил зубами розу за стебель, подтянулся на руках и легко перемахнул через забор. Собаку они так и не завели, охраны тоже не наблюдалась. Взобраться на второй этаж для меня не составило большого труда. Главное не перепутать спальню Ники и Виктории. Представляю лицо Виктории, если я влезу к ней в окно. Прикольно! Еще прикольнее, если у нее сегодня ночует отец. Он-то явно зайдет к ней через дверь, а вот меня может вышвырнуть через окно. Зажав розу в зубах, я осторожно прошел по карнизу и замер напротив светящегося окна. Шторы на окне задернуты. Кто же хозяйка спальни? Придется проверить опытным путем. Я осторожно стучу в окно, потом еще. Шторы распахиваются, и в окне появляется испуганное лицо Ники. Она охает и распахивает окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.